

Сергей Куратов: Национальные парки нужны не для развлечений, а для ВЫЖИВАНИЯ

23 июля 2019, 12:30 1856

Вадим Борейко

Фото Дмитрия Каратеева

Председатель экологического общества "Зелёное спасение" Сергей Куратов рассказал о сегодняшнем состоянии Иле-Алатауского нацпарка и показал его на фотографиях.

Во вторник, 23 июля 2019 г., в офисе Казахстанского международного бюро по правам человека прошла пресс-конференция экологического общества "Зелёное спасение", на которой были представлены [результаты мониторинга](#) экологической ситуации в национальных парках Алматинской области за 2017-2019 годы. Главное внимание организация уделила ситуации в Иле-Алатауском национальном парке. Журналист Вадим Борейко встретился с председателем общества Сергеем Куратовым накануне.

В листе ожидания

Вадим Борейко: Сергей Георгиевич, экологическое общество "Зелёное спасение" представило результаты мониторинга национальных парков Алматинской области в 2018 году. Для начала поясним читателю, что нацпарки – это особо охраняемые природные территории (ООПТ). Наверное, их можно сравнить с семейной реликвией, которая передаётся из поколения в поколение, то есть её нельзя дарить, продавать, сдавать в аренду, в ломбард. Иначе говоря, это достояние всего народа, причём не только нынешних, но и будущих поколений. Невозобновляемый актив, которым имеют право пользоваться и ныне

живущие, но не транжирить их в корыстных интересах, чтобы хоть что-то осталось потомкам. Давайте из этого и исходить. Кстати, сколько всего в Казахстане национальных парков?

Сергей Куратов: Тринадцать.

В.Б.: Сколько из них входит в Список всемирного природного наследия ЮНЕСКО?

С.К.: Сарыарка, или "Степь и озёра Северного Казахстана", – там два заповедника. И территория, которая называется "Западный Тянь-Шань", на границе с Узбекистаном и Киргизией. То есть две природные территории и несколько объектов культурного наследия: петроглифы археологического ландшафта Тамгалы (такое название указано на сайте Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия; однако многие путают этот объект с другим Тамгалы – Писаными скалами на Или, парк же петроглифов находится по дороге на Бишкек и имеет ещё другое название – Танбалы. – *Авт.*), Шёлковый путь и мавзолей Ходжи Ахмета Яссауи в Туркестане.

В.Б.: Как долго Иле-Алатауский парк числится в предварительном списке – листе ожидания?

С.К.: С 2002 года.

В.Б.: Включение казахстанских природных территорий и культурно-исторических памятников в списки наследия ЮНЕСКО началось, когда премьер-министром был Имангали Тасмагамбетов. Если не ошибаюсь, Иле-Алатауский национальный парк – единственный объект, который остался в "листе ожидания", то есть в предварительном списке. По какой причине его не включают в мировое природное наследие?

С.К.: Ещё другие есть невключённые – например, "Алтын-Эмель".

В.Б.: И всё же, почти 20 лет прошло уже, почему их не включают?

С.К.: Точно номинация называется "Северный Тянь-Шань" (Иле-Алатауский национальный парк). Была идея, чтобы включить во Всемирное наследие ещё Алматинский заповедник.

Свалка мусора в Большом Алматинском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Особо охраняемые природные территории как неприкосновенный запас

С.К.: Прежде чем изложить свою версию о причинах невключения этих природных объектов в Список всемирного наследия, дополню ваше определение национальных парков. Это наиболее ценные, с экологической точки зрения, территории, которые отличаются богатством биологического разнообразия и геологических памятников, здесь могут быть памятники, связанные с историей, палеонтологией и т.д. Естественно, они должны представлять из себя единый экологический комплекс.

И было бы неправильно рассматривать их как территории, которые нужны только для развлечений, отдыха и прочее. Учёные уже многие десятилетия подчёркивают, что нельзя осваивать все ландшафты, человек должен оставить целый их ряд неприкосновенными. Николай Фёдорович Реймерс, известнейший советский эколог, говорил, что **охраняемые территории нужны для выживания человека**. То есть ООПТ должны обеспечивать, как сейчас говорят, "экологические услуги": свежий воздух, чистую воду, сохранение биологического разнообразия. И в технико-экономических обоснованиях заповедников и национальных парков всегда указывается: нужна определённая нетронутая территория, чтобы экологическая система могла себя поддерживать, была достаточно устойчивой, и могла влиять на улучшение ситуации на соседних территориях.

Поэтому любое вмешательство человека приводит к ухудшению экологической ситуации не только на самих этих территориях, но и в городах, которые к ним прилегают, или на соседних территориях. Это выражается в таких явлениях, как опустынивание, экологические катастрофы. В наших горах постоянно случаются оползни и сели, и специалисты считают, что многие из них – результат совершенно бездумного и безумного освоения.

Малое Алматинское ущелье, Горельник / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Причиной урагана, возможно, был антропогенный фактор

В.Б.: В мониторинге вы ссылаетесь на слова специалистов, которые утверждают, что причины урагана в урочище Медео в 2011 году могли быть антропогенными.

С.К.: Да, вот эта книжка – "Антропогенное влияние на природные популяции редких эндемичных видов Северного Тянь-Шаня" И. Кокоревой, И. Отрадных, И. Съединой, она вышла в Алматы в 2017 году. Когда случился ураган, одна из авторов, И. Кокорева, сказала, что это не просто необычное природное явление, и здесь наверняка замешан антропогенный фактор. И многие специалисты заявляли об этом. Помню, мы даже тогда обратились в департамент по чрезвычайным ситуациям, чтобы провели экологическую экспертизу с целью выявить истинную причину катастрофы. Естественно, всё было похоронено, всё это замолчали, потому что никому не надо было разбираться, отчего всё-таки произошла катастрофа.

Частная территория в Малом Алматинском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Когда единую экосистему рвут на куски

С.К.: Ухудшение экологической ситуации на особо охраняемых территориях однозначно ухудшает ситуацию в прилегающих природных районах: становится меньше воды и свежего воздуха, усиливается эрозия почв, снижается биологическое разнообразие и, в конечном счёте, сокращаются рекреационные территории (пространства для массового отдыха. – *Авт.*) для людей. Вот поэтому роль национальных парков не надо сводить только к тому, что это зоны отдыха. Это главным образом "экологический стабилизатор" тех или иных регионов, и поэтому сейчас всюду в мире поднимается вопрос о том, что доля неосвоенных территорий, доля ООПТ должна составлять минимум 17% от общей территории страны.

В.Б.: А в Казахстане сколько сейчас?

С.К.: Около 9%. Но заповедники и национальные парки занимают всего 1,5%. Очень важно понимать, что происходит на этих территориях. Например, в Иле-Алатауском национальном парке выхватывается то в одном месте кусок, то в другом, то в третьем месте. И парк напоминает лоскутное одеяло: здесь – частная собственность или "посторонний пользователь", там – аренда, тут изъяли землю для строительства селезащитной плотины, там – для построения подпорной стенки, потому что ползёт склон. А в результате происходит то, что называется "фрагментация". То есть единая экологическая система просто разрывается и перестаёт нормально функционировать.

Строительство плотины в урочище Мынжылки / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Почему Иле-Алатаускому парку не светит Список всемирного наследия

В.Б.: Значит, это и есть причина, почему Иле-Алатауский парк так и не попал до сих пор в Список всемирного наследия?

С.К.: Когда шла речь о включении парка в предварительный перечень объектов всемирного наследия, приезжали многие специалисты, в том числе из России, были неформальные встречи с представителями госорганов. И эксперты уже тогда предупреждали: если продолжится такое варварское освоение территории Иле-Алатауского национального парка, то шансы на включение его в Список ЮНЕСКО будут уменьшаться обратно пропорционально расширению освоенных территорий. То есть ещё в начале 2000-х они

заметили угрозу. А сейчас, при таком интенсивном освоении, когда 1 002 гектара плато Кок-Жайляу перевели из владений нацпарка в "земли запаса", в Каскеленском ущелье огромный кусок изъяли, в Большом Алматинском ущелье – напротив ущелья Аюсай, шансы на включение Иле-Алатауского парка в Список всемирного наследия тают на глазах.

Заброшенное строение в Кимасаровском ущелье. / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

В.Б.: Но это, видимо, мало кого беспокоит. Территории называются "особо охраняемыми", но, как следует из результатов вашего мониторинга, земли практически не имеют защиты и охраны, тем более какой-то "особой", – ни от appetитов людей и госорганов, ни от их

хозяйственной

деятельности.

Заборы в Каскеленском ущелье, охраняющие частную территорию в национальном парке / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Закон от поправок красный, как диктант двоечника

В.Б.: И со стороны закона об ООПТ нет заботы об этих территориях. Скорее, наоборот. Закон стал таким "антиэкологичным" благодаря многочисленным изменениям и дополнениям. Посмотришь его на мониторе – он испещрён красными поправками, как диктант двоечника. Расскажите, пожалуйста, на примерах, какие манипуляции с землёй позволяет этот закон и кому

позволяет?

Разрушенное здание в Бутаковском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

С.К.: Действительно, это иначе как "манипуляциями" не назовёшь. Изначально закон об ООПТ 2006 года не допускал изъятия земель особо охраняемых природных территорий и перевод их в земли других категорий.

Более ранний закон, который был принят в 1997 году, имел специальную статью, в которой говорилось, что посторонних собственников вообще нужно вывести с территории национальных парков.

Иле-Алатауский ГНПП был образован в 1996-м – после того, как эти собственники там появились. В 1997 году законодатели прекрасно понимали, что любой посторонний собственник, который не имеет никакого отношения к охране природы, будет наносить ей ущерб. Потому и стоял вопрос о его выводе. Но те нормы закона не были реализованы.

В 2006 году был принят новый закон, а в 2008-м в него внесено дополнение, которое разрешило перевод земель ООПТ в другие категории. В 2012 году новое дополнение узаконило долгосрочную аренду. Теперь земли национального парка, которые включены в так называемую зону ограниченной хозяйственной деятельности, зону туристическую и рекреационную, в принципе, могут быть сданы в краткосрочную аренду на пять лет и в долгосрочную – на 49 лет. По нашим подсчётам, более 1000 гектаров ГНПП уже сдано в аренду, и около 500 гектаров ещё собираются

сдать.

Огороженная территория в Каскеленском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Как попутали берега

С.К.: Хочется подчеркнуть, что в аренду, как правило, сдают участки вдоль рек, потому что отдыхающим нужна вода. Хотя, согласно Водному кодексу, застройка водоохранных полос (35 метров от русла реки) строго запрещена, а в водоохранных зонах (их ширина до 500 м от водоёмов) значительно ограничена хозяйственная деятельность. У нас же не только зоны не соблюдаются – даже полосы бывают застроены. Заметьте, не только в национальных парках – даже в обычных условиях запрещено строительство в водоохранных полосах.

Статус национального парка выше, и в Водном кодексе подтверждается, что защита водных объектов передаётся в ведение национального парка, потому что это более высокая степень защиты природных объектов.

Несмотря на это, мы видим ужасную картину: в Алмаарасанском, Большом Алматинском, Тургенском, да практически в любом ущелье берега рек застроены. Контроль за тем, что сбрасывается в реки, практически не ведётся, подойти к воде практически нельзя: или написано "Платная поляна", или ограждения стоят.

То есть внутри национального парка образуются нелегальные либо полунелегальные предпринимательские структуры, которые фактически вымогают деньги у отдыхающих.

А, например, в Финляндии по закону разрешается свободный проход не только на государственных землях, но даже на частных территориях разрешено отдыхать любому. Единственное ограничение – не ломать ничего, не жечь, словом, не наносить ущерба.

Что же мы видим в наших национальных парках? Таблички "Частная собственность", "Проход запрещён", заборы, ограды, колючая проволока, собаки на цепи. Это, скорее, похоже на концентрационный лагерь, чем на национальный парк.

В Кимасаровском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Разговоры о развитии туризма – прикрытие для захвата земель

В.Б.: В правовой части мониторинга вы пишете, как извратили закон об ООПТ. Например, правительство было наделено полномочиями по переводу земель нацпарков в категорию "земли запаса". Или присутствует избыточная компетенция уполномоченного органа, Минсельхоза, по предложениям и порядке перевода охраняемых территорий в эти самые "земли запаса". И мы видим, как всё это работает. То есть поправки были приняты, возможно, под конкретные проекты. Что хорошо просматривается по планам строительства курорта в урочище Кок-Жайляу. Да и размеры зон ограниченной хозяйственной деятельности в нацпарках никак не регламентируются этим законом.

С.К.: Да, тут действительно нет этого.

В.Б.: Раньше аренду охраняемых земель закон 1997 года не предусматривал в принципе. Сейчас аренда, во всех смыслах, "в законе", и она предусматривает ограниченную

хозяйственную деятельность. Её "ограниченность" подразумевает выпас скота, ремёсла, пасеки, сбор грибов и ягод и т.д. Но никак не капитальное строительство – чтобы не было экскаваторов, фундаментов, железа, то есть вообще никакой урбанизации.

Однако на практике земли сдаются в долгосрочную аренду именно под капитальное строительство, и мы видим, что от них потом остаётся. Ведь земли Шымбулака тоже были сданы в аренду, а сейчас там склон выглядит летом так, будто с живого человека кожу содрали. Это варварство называется "аренда", но сами земли превращаются в невозвратные, они уничтожены без надежды получить их когда-либо назад в прежнем виде.

С.К.: На самом деле в 2012 году в закон ввели статью 46-1, которая разрешает строительство – якобы объектов туристической инфраструктуры. Просверлили ещё одну дырку в законодательстве. Хотя элементарный осмотр территории говорит о том, что многие объекты и близко не напоминают туристическую инфраструктуру: явно частные особняки, иногда перегораживающие реки, с отводами русел и бассейнами, и заборы там 3-4-5 метров высотой. Даже требование строить туристическую инфраструктуру – тоже грубо нарушается.

В.Б.: Разговоры о развитии туризма напоминают какую-то легенду, прикрытие.

С.К.: Абсолютно верно, мы считаем, что это и есть прикрытие для легального захвата земель.

Другой момент. В статье 46-1 закона об ООПТ написано: когда аренда заканчивается, собственник должен привести участок в состояние, обеспечивающее сохранность объектов государственного природно-заповедного фонда. Но это бред. Если вырыт котлован для фундамента – всё, первичная экосистема уничтожена навсегда. Даже если потом фундамент убрать и всё заровнять, она не восстановится. Может возникнуть экосистема похожая, подобная этой, но той уже не будет.

В.Б.: Или сотни лет понадобятся для её восстановления.

С.К.: Да, может получиться, что века потребуются для

этого.

Брошенная пожарная машина в ущелье Казачка / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Конвенция подписана – и с глаз долой

В.Б.: В результатах мониторинга вы также пишете, что в законе об ООПТ нет категории "особо охраняемые природные территории международного значения", даже термин такой отсутствует.

С.К.: Хотя Казахстан подписал целый ряд международных конвенций по охране окружающей среды, в законе и действительно нет категории особых охраняемых природных территорий, внесённых в Список всемирного наследия. Правда, в законе есть хитрая статья 75, где указаны "водно-болотные угодья, имеющие международное значение". Казалось бы, это территория признана международной конвенцией – значит, должна иметь статус хотя бы чуть-чуть повыше, чем просто ООПТ. А её передают опять на усмотрение собственника и даже разрешают на этих землях ограниченную хозяйственную деятельность. Тогда зачем конвенцию подписывали? Во всех международных договорах закреплено: если территория подпадает под международный статус, к ней должна быть применена максимально эффективная степень защиты. А здесь мы видим яркий пример несоблюдения даже международных требований, которые Казахстан подписывает

Строительство плотины в урочище Мынжылки / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Красная книга? Не, не читали

С.К.: Ещё один важный момент. Можно ли сдавать в аренду земли и участки с произрастающими на них краснокнижными растениями? Об этом тоже нигде ничего не говорится. А раз не говорится – значит, трактуй в свою пользу. Таким образом, если на территории растут, скажем, яблони Сиверса или абрикос обыкновенный, то теоретически её тоже можно сдать в аренду.

В.Б.: И были такие попытки? Есть же Уголовный кодекс, статья 339 "Незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения видами животных и растений".

С.К.: Их же не вырубают, а в аренду якобы сдают. Но помимо яблони Сиверса и абрикоса обыкновенного имеется масса травянистых растений и кустарников, которые тоже являются редкими и краснокнижными. Специалисты и обыкновенные любители природы сплошь и рядом пишут: то там уничтожили краснокнижники, то скот запустили, то порубили, то выгорело. На арендованных у нацпарков землях статус краснокнижников не защищён, хотя они под охраной Конвенции о биологическом разнообразии и нашего законодательства, в том числе Уголовного кодекса.

Чуть ли не в любую статью закона ткни – мы видим массу нарушений и противоречий. Взять тот же перевод ООПТ в "земли запаса". Статья 23. В одном параграфе читаем: использование земель особо охраняемых территорий в других целях, не соответствующих их целевому назначению, запрещается. В другом параграфе: если это необходимо, в исключительных случаях их можно перевести в "земли запаса". Один параграф противоречит другому. Что же это такое? Куда законодатели смотрят? Они что, вообще ничего не

видят?

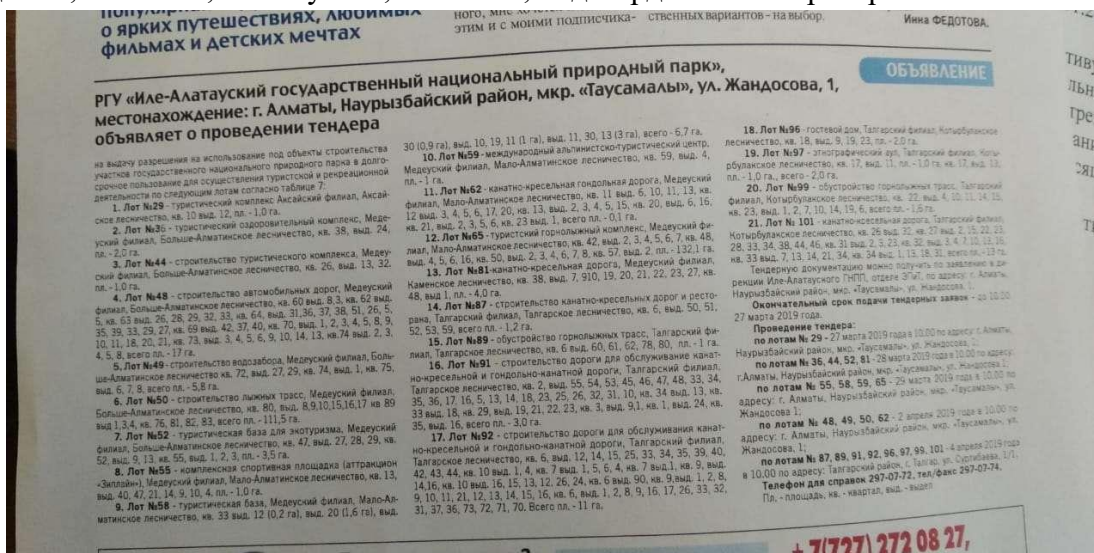
В урочище Кок-Жайляу / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Слуга двух господ

В.Б.: Один из самых интересных разделов вашего мониторинга – вмешательство местных органов власти в деятельность нацпарков. Вы приводите примеры, в том числе хорошо знакомый мне проект строительства подъездной автодороги до курорта "Кокжайлау". Очень показательный и очень во всех отношениях замечательный кейс. ПредОВОС (предварительная оценка воздействия на окружающую среду) строительства дороги вместе с предОВОС самого курорта представлялись на общественных слушаниях 4 ноября 2018 года. И протокол этого собрания, и оба проекта были опубликованы. Я все эти документы самым внимательным образом изучил. И там чёрным по белому написано, что при прокладке дороги под снос, то есть вырубку, пойдут более 5000 деревьев, из них 433 яблони Сиверса и 180 абрикосов. Я скриншот с этой цитатой раз десять в Facebook и в СМИ публиковал.

Ни одного представителя национального парка на общественных слушаниях не было. В начале апреля я попал на тендер по сдаче участков нацпарка в аренду. После заседания побеседовал с председателем тендерной комиссии, заместителем гендиректора Иле-Алатауского ГНПП Дарханом Исабековым. И показал ему на телефоне тот самый скриншот из предОВОС дороги. Как мне показалось, для него было большим сюрпризом, что там растёт больше 600 краснокнижных деревьев. Потому что в технической спецификации проекта строительства дороги написано, что на тех 17 гектарах краснокнижники не произрастают.

Вот как всё это понимать? У меня сложилось стойкое впечатление, что администрация нацпарка не исполняет свою главную задачу – охранять природу, а просто на этих тендерах сидит и банкуется теми земельными участками, которые им спустили сверху. Может быть, я заблуждаюсь, и вы мне, пожалуйста, поясните, подтвердите или опровергните мои

догадки.

Объявление о втором раунде тендеров на предоставление в аренду участков Иле-Алатауского национального природного парка

С.К.: То, что они "банкуют", – это, конечно, сложно утверждать. Но манипуляция какая-то идёт, и явно незаконная. Вспомним пословицу: "Если что-то происходит, то ищи, кому это выгодно". То есть кому-то выгодно эти бесконечные манипуляции с землёй, потому что, если бы это не было выгодно, никто бы это не делал. Но почему это происходит?

Во-первых, мы неоднократно поднимали вопрос о том, что статус национальных парков плохо прописан в законе. Законодательство, прежде всего, слабое.

Во-вторых, нужно подчинить в конце концов парки единому мощному центру, который бы отвечал только за эти парки и держался за них. Ведь нацпарки куда только ни перебрасывали – и в Министерство охраны окружающей среды, и в Министерство сельского хозяйства, а сейчас, судя по всему, они в новое Министерство экологии и геологии будут переброшены. Это же всё дезорганизует работу.

В-третьих, местные органы власти и управленцы, ответственные за национальные парки, никак не могут перестроиться: они всё расценивают эти территории как лесные территории. Но национальный парк и лесная территория – это разные вещи.

В-четвёртых, больше 20 лет идёт спор, кому должны подчиняться парки. Потому что если они будут разделены между административными единицами, то возникнет вопрос: районные, областные акиматы будут какие-то полномочия иметь на этих территориях или нет? Даже было предложение выделить национальные парки в самостоятельные административно-хозяйственные единицы, чтобы они не подчинялись никому, кроме как напрямую своему министерству.

В.Б.: Сейчас парками командует Комитет лесного хозяйства и животного мира, который входит в Минсельхоз, а Минсельхоз в правительство. Получается, парк в пищевой цепочке – "старший помощник младшего дворника".

С.К.: Да, вот именно. Плюс на парки ещё посягают акиматы, которые считают, что это их территория. И вот это одна из самых порочных систем.

В.Б.: Но ведь парки идут навстречу акиматам чисто субординационно – как городскому или областному начальству. Или у них двойное подчинение?

С.К.: Фактически – подчинение двойное. Самый простой пример. Значительная часть национального парка находится в административных границах Алматы. Но, согласно земельному законодательству, изменение границ города или населённого пункта не меняет прав собственности на землю. То есть если был собственником урочища национальный парк, то независимо от того, Каскеленский это район Алматинской области или город Алматы, ГНПП собственником и остаётся. И распоряжается на данной территории во всех вопросах, касающихся основной деятельности. Акиматы не имеют права вообще ничего делать на территории национального парка. Но считают, что имеют, раз парк находится в их административных границах. Тем самым они превышают свои полномочия,

вмешиваясь именно в основную деятельность национального

парка.

Автомобильная пробка по дороге на Большое Алматинское озеро / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Как акимат опирался на документ, которого нет в природе

С.К.: Приведу типичный пример такого вмешательства. Вдоль реки Казачка по заказу акимата проектировалась реконструкция автодороги, при котором планировалась вырубка деревьев. И мы поймали их на одном грубейшем нарушении, из-за которого с ними и судились три раза: экспертиза была сделана для национального парка на основании "Правил содержания зелёных насаждений города Алматы". А в 55-м пункте старых правил (их отменили в прошлом году) написано, что они не распространяются на особо охраняемые природные территории республиканского значения. В таком случае, на каком основании вы вообще делаете экспертизу на территории национального парка по городским правилам?!

А второй документ, которым оперировал акимат, – так это вообще фантастика. Он назывался "Инструкция по порядку проведения и оформления материалов инвентаризации и лесопатологического обследования зелёных насаждений г. Алматы". Мы обратились в специализированный институт, там говорят: знать не знаем такого документа. Тогда мы написали в Минюст, они нам дали официальный ответ: нет такого документа в базе зарегистрированных нормативно-правовых актов Республики Казахстан. Тогда мы обратились в суд – и что? Нам сказали, что это не гражданское дело, и потому оно не будет рассмотрено.

В.Б.: Если не гражданское, то какое же тогда?

С.К.: В том-то и дело, какое в таком случае – уголовное, что ли? Вот как идёт манипуляция, и я с вами полностью согласен: не исключено, что это делается, чтобы длинный рубль получить. Потому что идти на такие махинации, не имея какой-то выгоды, – это просто невероятно.

Мусорный контейнер в Большом Алматинском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Бесценные гектары сдавались в аренду за грош

В.Б.: Вернёмся к аренде участков Иле-Алатауского ГНПП. 22 января 2019 года председатель Комитета лесного хозяйства и животного мира Каир Рыскельдинов в официальном ответе на запрос экологического общества "Зелёное спасение" написал: "По информации национального парка, тендеры по предоставлению испрашиваемых земельных участков ещё не проводились".

Да, к тому времени ещё не проводились, но двенадцатью днями ранее, 10 января, они были объявлены. Причём их проводили по очень интересным, особым правилам, которые даже не предусматривают публикацию всей документации на портале госзакупок, а лишь в бумажных газетах. Тендеры прошли в два раунда, и объявления о них мы нашли случайно – в казахстанской "Комсомолке". В первом раунде, который состоялся в феврале, было разыграно 15 участков. Во втором, в конце марта – начале апреля, – 21. Я изучил объявления: 12 лотов пересекались, они были перенесены из первого раунда во второй.

Итого в аренду сдавались 24 участка разной площади – от 10 соток до 111,5 гектара. Общая площадь, по моим подсчётам, составила 409,2 га. Вычитал в вашем мониторинге стоимость аренды одного гектара – 6 000 тенге. То есть бесценнейшие 400 гектаров были отданы за несчастные два с половиной миллиона тенге!

Парк получает гроши, а ущерб, который неизбежно нанесут природе арендаторы, просто невозможно оценить. Вы пишете, что сейчас в парке "возобладали идеи бизнес-сообщества".

С.К.: Будь парку действительно так важно найти источник финансирования – тогда были бы установлены рентные отношения, которые позволяют с выгодой сдавать участки. Или, может быть, проводить охоту, как это делается в Африке. Там разрешается в определённых парках охота, но такие цены устанавливаются! Зато деньги перекачиваются в бюджет парка, и он от этого выигрывает. А тут, вы правильно заметили, гроши, они на них ничего нормально сделать не смогут.

"Недострой" в Большом Алматинском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Нищета у озера с золотым дном

С.К.: Тут ещё вот что важно. Давным-давно стоит вопрос о том, что нужно вводить механизм оценки экологических услуг, которые оказывают эти экологические системы. У нас ни в одном законе такого нет – только лишь разговоры. Если бы действительно были введены те принципы, которые действуют во многих западных национальных парках, тогда, может быть, свершилось то, о чём нам говорили американские специалисты, которые приезжали в конце 1990-х. Когда они узнали, что почти 100% воды национального парка потребляет город (из Большого Алматинского озера. – *Авт.*), то воскликнули: "Это же золотое дно! На одной водной ренте можно было бы парку процветать, потому что он будет получать деньги не за развитие территорий, а за сохранение водных ресурсов. Вот как у нас это провернули бы". А здесь – из озера качают воду, там водопровод, там водопровод, там водопровод, и у парка нет денег, это как?

В.Б.: Парк-нищерброд?

С.К.: Принцип оценки стоимости экологических услуг, которые оказывает парк, не применяется. Поэтому до сих пор действует механизм, который ориентирован на ведение примитивного лесного хозяйства. А лесники практически выживают и существуют только за счёт того, что у них есть подсобные хозяйства и скот.

Естественно, это не отвечает мировым стандартам, которые уже давным-давно введены в других странах.

И самый простой пример. Сколько раз мы говорили о необходимости введения службы рейнджеров, как в западных парках. Это же престижнейшая профессия, они получают хорошие деньги, обучаются специальным навыкам: спасение, альпинизм, работа с людьми. И они следят за территорией, чтобы она была в отличном состоянии. Потому что прекрасно понимают: чем больше туристов – тем они больше получают от этого выгоды. Но рейнджеры заинтересованы, чтобы территория была в том виде, ради которого туда пойдут туристы, а не в том безобразном, в каком она у нас сейчас: загаженная, заплёванная, особенно в нижних частях парка. Там же просто жуть что творится: руины, свалки, непонятные строения, порубленные деревья, водопроводы, газопроводы, провода какие-то, кабели. Промзона, да и только.

В.Б.: Скорее, просто "зона" из фильма "Сталкер" – очень

похоже.

В таком состоянии находится сейчас объект "Космостанция" / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Загадки менталитета

В.Б.: Недавно я встретился с Данияром Джунусовым, новым руководителем ТОО "Almaty Mountain Resorts" – управляющей компании проекта "Кокжайляу". Он мне бросил знакомый упрёк: вы постоянно копаете под нас, зачем вы всё это делаете, не хотите, чтобы развивался туризм? Я ему ответил: как журналист ищу нарушения закона, потому что у вас без них не бывает, выясняю, кому всё это выгодно и какой ущерб наносится природе. Если чиновники прочтут этот мониторинг и тоже скажут вам: "Вы против развития туризма", – ваш контраргумент какой будет?

С.К.: Когда говорят "экологический туризм", подразумевают в первую очередь экологические чистые, нетронутые территории. Лично могу засвидетельствовать: я их видел. Например, знаменитый парк Джошуа-Три в Калифорнии. Там на протяжении нескольких десятков километров даже следов деятельности человека не видно, несмотря на то что он расположен на границе с Лос-Анджелесом. Вот так идёт дорога: с одной стороны – город, с другой – через каждые 100 м идут столбики, на них написано: "Национальный парк Джошуа-Три" – это граница парка. И всё, на этой территории больше вообще ничего нет.

В.Б.: Значит, там и туризма нет, раз нет следов деятельности человека?

С.К.: Туризм как раз процветает, потому что все хотят посмотреть на эти необычные деревья и могут в любое время зайти внутрь парка: он работает практически круглогодично. Там шикарные виды, прекрасные смотровые площадки, проложено несколько автомобильных дорожек, остальное – тропы и грунтовые дороги. Раньше были шахты, их закрыли ещё до образования парка, и теперь территория фактически пустая. Но там масса велосипедистов, пеших туристов, альпинистов. Есть места, где можно поставить палатку. Везде идеальная чистота. А рядом, через дорогу – 17-миллионная городская агломерация.

Помню, мы обсуждали пример Джошуа-Три на пресс-конференции, которую Иле-Алатауский ГНПП проводил в честь "Марша парков". И кто-то из представителей нашего парка бросил: "Ну, у них такой менталитет, а у нас другой". Если так подходить, тогда, ребята, давайте откажемся от автомашин, от компьютеров и будем жить, как в каменном веке, у нас же менталитет другой. Почему американцы могут, а мы не можем? У нас совсем другая голова или что?

В.Б.: Я бы сказал, "другой менталитет" заключается в том, что у нашего велосипеда колеса квадратные.

С.К.: Меткое замечание. Если бы не существовало этих примеров экологического туризма, тогда можно было упрекнуть нас, что мы против развития туризма. Взять Галапагосские острова. Туда едут миллионы туристов, но им запрещено оставаться ночью на территории национального парка. Они целый день ходят, фотографируют, потом садятся на лодочки и уплывают в отель, иногда на лайнеры, которые стоят неподалёку на рейде. Значит, можно. Почему у нас этого нет?

Да потому, что сплошная аренда и непонятные сооружения на территории самого парка – это во-первых. И, во-вторых, экологический туризм – это специализированная отрасль. А у нас её нет.

Приведу простой пример. Приезжали американские туристы: ребята, вы идёте в горы, у вас есть экологически чистый шампунь, чтобы не наносить вред горной воде? А у нас, говорят, есть. Значит, целая индустрия могла бы развиваться, производить экологически чистые продукты, санитарные средства и так далее, чтобы обеспечивать экотуризм. Плюс обучение самих туристов, рейнджеров и контроль. То есть это огромная занятость.

А нам что предлагают? Построить курорт, а для этого продолбить дорогу – всё к такому примитиву сводится. А почему – потому что всё будет строиться в основном на государственные деньги. И, таким образом, парк станет получать копейки, территория

осваиваться – за счёт госбюджета, а выгоду потом получит какой-нибудь частник, как на

Шымбулаке.

Скопление техники в урочище Мынжылки / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Мародёрский диалог

В.Б.: Если взглянуть на проблему в целом, то диалог государства и природы построен на мародёрском к ней отношении под благовидными и законодательно оформленными предложениями. Причём здесь клубок интересов – и власти, и бизнеса, и конкретных тайных лиц. При никакой отдаче для формальных защитников окружающей среды – нацпарков. Как изменить эту систему, хотя бы сдвинуть её с места?

С.К.: Мы пытаемся делать это за счёт международных механизмов. Что-то незначительное иногда получается. Второе – конечно, нужно менять общественное сознание. И пример движения "Сохраним Кок-Жайляу!", которое добилось отсрочки строительства курорта на несколько лет, – как раз первый росточек, знак грядущих перемен.

А то, что вы назвали грабительское отношение к природе "мародёрством", – абсолютно

точно.

Каменные заборы в Кимасаровском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Экологической политики в Казахстане как не было, так и нет

С.К.: Когда нас пригласили участвовать в обсуждении самого первого казахстанского экологического закона – "Об охране окружающей природной среды Казахской ССР" 1991 года, мы первым делом поставили вопрос так. На наш взгляд, в законе должно быть закреплено: "Парламент Казахстана принимает экологическую политику, и законодательство строится на основе принятой долгосрочной экологической политики". Но прошло 28 лет, а экологической политики в Казахстане как не было, так и нет. Более того, нет политики в области развития лесного хозяйства и особо охраняемых природных территорий, охраны биологического разнообразия. Но ведь политика – это же основа законодательства.

В.Б.: Кстати говоря, президент Токаев обращает внимание на проблемы охраны окружающей среды в каждой поездке в регионы. Он восстановил в правах Министерство экологии. Тем не менее среди [10 приоритетов](#), которым он будет следовать для реализации предвыборной платформы и которые он назвал 12 июня на церемонии инаугурации, слов "экология" и "природа" я не нашёл.

С.К.: У нас бытует миф: мы обладаем такими несметными природными богатствами, что им нет конца и края. Но специалисты считают, что Казахстан – одна из самых разрушенных в природном отношении стран бывшего СССР. Тут и ядерный полигон, и космодром, и Аральское море, и проблемы с Каспием. А какое сильное химическое загрязнение, какое опустынивание! По данным официальных докладов, опустынивание охватывает до 70% территории.

В.Б.: Я читал, что уже больше 90%.

С.К.: Взять урочище Мынжылки – что это, если не опустынивание? Там при строительстве плотины уничтожены склоны, что может спровоцировать оползни. Я допускаю, что нужно было строить плотину, но тогда стройте так, чтобы не разрушать окружающую территорию, применяйте современные технологии, а не просто – выкопали, залили цемент, завалили территорию мусором. Он бы там до сих пор лежал, если б альпинисты скандал не подняли. Мусор увезли, и сейчас там "зона" Тарковского или промзона, но только не особо охраняемая природная территория.

Крепостные стены в ущелье Алма-Арасан / Фото экологического общества "Зелёное спасение"

Куда спустили обращение защитников Кок-Жайляу

В.Б.: 18 апреля, после того как прежний аким Алматы Байбек по рекомендации президента Токаева отложил реализацию проекта горного курорта близ мегаполиса, инициативная группа "Сохраним Кок-Жайляу!" написала [обращение](#) к главе государства, премьеру, председателям сената и мажлиса, алматинскому акиму. В нём был изложен ряд требований, в том числе окончательное закрытие проекта ГК "Кокжайлау", возврат урочища в состав национального парка и другие. Как [пишет](#) сайт "Зелёного спасения", бумаги проделали традиционный бюрократический путь: в мажлисе письмо перенаправили 38 раз, в канцелярии премьера отфутболили его 52 раза. Обращение к президенту АП "спустила" в аппарат акима Алматы. Ответ активистам пришёл из Управления туризма: "Проект не нарушает норм национального и международного законодательства, а ущерб экосистемам

будет минимальный". Таким образом, произошёл круговорот бумаг в природе, и я написал в "Фейсбуке": "Обращение защитников урочища фактически спустили в унитаз".

Во-первых, они ждали от властей политического решения судьбы антиэкологичного проекта, а не малодушного паллиатива. А во-вторых, не узнали, почему был отложен проект: ничего же не было сказано о реальных причинах. И активисты вольны предположить, что это было сделано лишь для умиротворения сознательной и экологически продвинутой публики в преддверии выборов.

Никаких уроков не было извлечено из проекта, который оброс нарушениями, как собачий хвост репьями. И обращение "спустили" всё тому же заказчику проекта, который и обеспечил его провал.

С.К.: Причём [ответ](#) управления туризма не выдерживает никакой критики. Там написано: "Общественные слушания по разделу "ПредОВОС к ТЭО горного курорта "Кокжайлау", состоявшиеся 4 ноября 2018 года, были проведены в полном соответствии с требованиями Орхусской конвенции и законодательства РК". Это откровенное введение в заблуждение, если не сказать грубее, откровенная дезинформация – говорить о "полном соответствии", когда на слушаниях (вопреки конвенции!) во всеуслышание было заявлено, что "нулевой вариант" (отказ от строительства) не рассматривается. "Зелёное спасение" выиграло по этому поводу суд у Управления туризма. То есть опять мы натываемся на официальное предоставление всё той же недостоверной информации.

Вот какой ответ был получен на обращение к президенту. Его, обращение, как вы говорите, фактически смыли в унитаз. Я не знаю, какой более яркое сравнение тут можно привести.

В Тургеньском ущелье / Фото экологического общества "Зелёное спасение"